

Дмитрий Зиновьев

СНИМОК
на память

Дмитрий Зиновьев

СНИМОК на память

Москва

«Воймега»

2010

УДК 821.161.1-1 Зиновьев
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
363

Д. Зиновьев
363 Снимок на память. — М.: Воймега, 2010. — 80 с.

ISBN 5-7640-0101-3

© Д. Зиновьев, текст, 2010
© С. Труханов, оформление, 2010
© Мария Штох, фото, 2010
© «Воймега», 2010

Любимым маме и жене с благодарностью

Из точки А

* * *

необъяснимый авиатор
над полосой береговой
воздушный сам себе инструктор
незримый в небе сам собой

и я букашкой незаметной
микробом жизни по земле
но всё равно тебе заметной
в твоём пространстве на стекле

существования я вышел
из точки а и в точку б
как будто двигаюсь и выше
и дальше дальше и т д

* * *

хорошо, если в модных журналах,
если в любую дверь,
часто на разных каналах,
на короткой ноге в спортзалах,
хорошо, если дальше апрель,
если май хорошо, даже очень,
ещё лучше июнь, и тогда
разливаются белые ночи
в нашей местности, господа,
и тепло, и прогулки, и очень
разношёрстный довольный народ,
да у нас хорошо круглый год

мы гуляем и воздухом дышим,
и потом на работу с утра,
и навстречу реклама, афиши,
розоватый дурман, шофера,
и уносит сомнения транспорт
по дорогам заброшенных мест,
если где-то нехватка продуктов,
электроники, почты, невест,
если ехать куда-то охота,
если хочется чуда, держись,
продолжаются труд и работа,
предлагаются отдых и жизнь

и на этом не всё, едем дальше,
за границами наших равнин
целый мир туристический дальше,
и туристы гуляют по ним,
по нему, увлечённые очень,
потому что везде красота,

всевозможные шпиды, а впрочем,
всё что хочешь, любые сорта,
незнакомые звуки и буквы
заполняют эфир и судьбу,
расслабляют, опять же, продукты,
и напевы своё бу-бу-бу

потому и стремимся мы чаще,
регулярнее всюду бывать,
чтобы чувствовать личное счастье,
что-то общее ощущать,
жаль, мучительное настроенье
возвратиться обратно домой,
наконец-то мы дома, спасенье
и любимые книжки с собой,
а когда припекает – остаться,
как получится где-нибудь жить,
мемуары писать, наслаждаться
новой жизнью, о старой грустить

* * *

мы умрём, и собаки наши умрут,
ничего не поделаешь, друг,
термоядерный карлик – солнце
перестанет светить вокруг

перестанет хотеться на юг,
на свидания и вечеринки,
до свидания вам, блондинки
и брюнетки, прощайте, друг,

я ещё чего-то хотел,
я нажиться ещё не успел,
помотаться бы всласть по планете
на потребу души, пока цел

поезда стучат по стране,
баден-баден как будто во сне...
ну хотя бы собаки остались,
вспоминать о тебе, обо мне

* * *

меня занимает ницца,
фотки, прожитый год...
интернет веселится,
в интернете народ

как создатель могучий,
проникаю везде,
а представится случай
я за ним по воде

ну куда бы, куда бы,
перспектива аллей,
по музеям хотя бы,
по камням площадей

в мимолетной кафешке
упоительный блюз,
за орешками в спешке
о себе наизусть

чьи-то руки навстречу,
чей-то голос взамен,
завершается вечер
и затем, и затем...

Тусовка

Трихомонады, лямблии, креветки перезрелые,
что характерно, блядские создания умелые.

Корявые каракули, когда под микроскопом,
а вечером, а в дансинге загадочные скопом.

А вечером, а в дансинге народные частушки,
не надо копом выглядеть, чтоб целиться из пушки,

ну, мусором по-нашему, скорей, авторитетом,
со сворой беспонтовой и собственным бюджетом.

Охрана идентичная с избранником народным,
оратором, властителем, всеядным, всепогодным.

Кого здесь только не было, по паре каждой твари,
ну, в смысле, все животные, террариум, сафари.

Огни переливаются, сверкает мишура,
шумит и продолжается тусовка до утра.

Наяды опьяненные, атлеты и эстеты,
нюхнули, покурили, посетили туалеты.

Изысканное общество, и я как будто рядом,
прохожий, человек метро, с невыспавшимся взглядом.

* * *

в метро не читают граждане
много литературы,
другие предметы культуры
употребляют граждане

в ходу цифровые носители,
прототип – телезрители,
электронная версия жизни,
двоичные коды и мысли

в ушах у народа наушники,
в глазах фотики, на зубах передатчики,
внутри ионные батарейки,
мигают экраны, экранчики

* * *

подземный ход через дорогу – вот устройство,
которым пользуются жители, когда
пересекают магистраль, заметим свойство,
под землю движутся и люди, и вода

мелькают кальками фигуры вперемежку,
фактура кафеля, окурки, парапет,
асфальт латают, реставрируют разметку
сплошные девушки, оранжевый жилет

я сам себя не понимаю, энергично
перебегать дороги родины, сметёт
её движение, и думать безразлично,
куда нелёгкая блаженного несёт

* * *

*...зонт китайский на тротуар.
Д. Новиков*

Не такая уж новость – в июле жара, бесполезно постоянно твердить «не могу», отдуваясь при этом, исчезая за стёклами тёмных очков, неизбежно убегающей тенью скользить по камням силуэтом.

Сообщают, жара небывалая, общим итогом черноморский курорт или тропики. Сложная лампа – театральная ампула – с потолка пригревает, потоком раскалённое марево кружит и вьётся галантно.

Горожане раздеты, в прямом и обыденном смысле, ну, не все, половина в сандалях и шортах в нагрузку, без носков и без маек мужчины, атлеты раскисли, нет на женщинах бюстов, то сетку накинута, то блузку.

Замечательно выглядят, красочно и откровенно, и волнуется плоть или прыгает в ритме походки, оживают цветные причёски, цепляют мгновенно, жаль, меня не волнуют ни плоть на жаре, ни причёски.

Деться некуда в городе, камни, нет, каменка в бане разогрета настолько, что ночью потею в кровати. Петропавловский пляж заполняют с утра горожане, загорают на травке и в парках, и в садиках, кстати.

Городские картинки горячего, знойного лета не исчерпаны, в транспорте душно и тесно, и дождик оживил бы участников старого в целом балета. В декорациях стайка китайских туристов. Где зонтик?

Выпадает без влажности город-герой из астралки.
Караван пешеходов понуро бредёт, от истоков
наблюдая мираж Петербурга блестящий и жалкий,
принимая за море Маркизову лужу для стоков.

Очень хочется вырваться за город, в лес, на природу
и торчать там безвылазно где-нибудь в озере мутном,
никуда не спешить, никуда не ходить, про погоду
забывая надолго, питаться неведомым фруктом.

* * *

Питер и девушка Лена –
дворник, метёт асфальт,
ежедневная сцена,
город, глаза, печаль,
утро, вечер, при встрече
напряжённые плечи.

Перенося погоду,
скребёт лопатой панель,
зима не зима – на природу,
оттепель, снова метель,
в памяти скрежет металла,
наледи, Калевала.

О чём-то светлом, небесном
фигурка напоминает,
точка, кому интересно,
что дальше, – Елену манит
лето яркими снами,
финский турист в панаме.

* * *

сначала ты молодой,
потом становишься старый,
даже когда голубой,
даже куришь когда сигары

сначала тебе всё можно,
потом ничего нельзя,
и двигаешься осторожно,
дорогу переходя

всё можно кому-то, всё можно,
подъёмник уносит к вершинам
лыжников всевозможных,
лыжниц по личным причинам

* * *

они все вместе небожители,
а я внезапно ни при чём,
и не нужны обогреватели,
настаиваю на своём,
не прекращается энергия,
вода и фрукты на столе,
у каждой двери строю гвардия
навытяжку или в седле,
и многого ещё не знаю я,
я-я, яволь – чужая речь,
однако что-то понимаю я,
хоть сам не местный, не москвич

* * *

пока чего-нибудь выберешь,
замучаешься ходить,
и тянут ещё на выборы –
всё переменится к лучшему,
будет потом, что хотите, –
стараются, не продохнуть,
выбирайте слова, выбирайте,
словарный запас повторяйте,
пусть амфибрахий хоть иногда,
куда без него – никуда,
и пушкин против течения,
и все, кто потом за ним,
в атмосфере внимания,
с небом один на один,
и существуешь сам по себе,
как танки в нашей среде,
и хочется верить себе,
и выбирают гражданки
сияющие с попутчиками,
непрерменно разведчиками
родины на гражданке

* * *

всё загадили, всё,
даже самое-самое,
и флаг, и герб,
международный конверт
из америки северной,
глобус, весь шар земной,
наливай ещё по одной,
пишут, неплохо живут,
скучают, в гости зовут,
прямо перед глазами
недоступное мирозданье,
карту мира не пощадили,
в атлантике наследили,
перекроили по-своему,
по своему уму,
в книгах исчезли точки,
запятые и строчки
не нужны никому,
гимн пострадал ни за что ни про что,
в буквах что-то не то

Где-то, когда-то

1

Поскольку не скажешь, в чём дело, без нужной бумаги,
как брошенный эндшпиль, безумствуют цифры и буквы,
но чёрные пятна вне действия солнца и влаги
покрыли стволы, соответствуя слухам как будто.

Цветение сакуры буйной в садах-огородах
волнует, как буйвол, и самое время картофель
скрестить с помидором, пока остальная природа
трещит напряженно чеканящим счётчиком в профиль.

Поют петухи, поднимая народ на зарядку,
источник энергии включен минута в минуту,
отряды бесстрашно растрачивают по порядку
железобетон, арматуру, чужую валюту.

Вопросы, ответы, вопросы, дымятся Помпеи,
разносится по ветру пепел империи. Поздно
ломиться в пророки и дальше ещё в казначеи,
вчерашние реки сегодня текут осторожно.

2

В Белоруссии белок не видно совсем,
в Белоруссии бродят бизоны
по газонам заброшенных экосистем
и жуют безучастно газоны,
выделяя при этом отходы и газ,
несмотря на таблички «Не гадить».
Господа, говоря о свершениях масс,
вспоминайте пергамен. В тетради
запишите примеры возникших затрат
на потребу, на случай. Кавычки.

Мы вернулись нечаянно мыслями взад,
но стремятся вперёд электрички.
Пожелтела трава у панельных лачуг,
поглощённых лощёным пространством.
И БелАЗы бегут, и КамАЗы бегут...
Повезло однозначно кубанцам.

* * *

Я родился и вырос...
И. Бродский

я родился и вырос в этой стране,
которой сегодня нет,
мне и не жалко, не жалко мне,
карта есть на стене,
на это сегодня сказал бы мой дед,
сказал бы на это в ответ,
сказал молодой, бестолковый
или что-то ещё,
но дед мой умер...
пайковый
свет над землёй,
и всё

* * *

безногий солдат на невском
с картонкой в руках – помогите,
загар на лице, не местное
солнце над ним в зените

девятое, праздник победы,
на фронтах передышка,
я подаю для беседы,
– малька раздавим, братишка

бормочет – пенсия несколько
во времени задержалась,
вот и сижу на невском
участником, как оказалось

украшен по случаю город
лентами воинской славы,
боль вытесняет гордость
перед лицом державы

на марше строй ветеранов
второй мировой, дороги
памяти, мемуаров,
хроники и тревоги

* * *

Часы с музыкальным боем
играют сами собою
мелодию днём, к отбою
и ночью над головою.

Скрыт в деревянном корпусе
крохотный механизм –
струны, пружинки, на конусе
шестерни – анахронизм,

если сравнить с электронными,
употребляемых тоннами.

Неукоснительно тикает,
передвигается время,
кто-то за стенкой пиликает,
пишутся стихотворенья,

треск, металлический стук
и мелодический звук.

Что в них такого прекрасного,
в наших глазах интересного,
в фокусе мысли – напрасного,
слуху и духу – полезного?

Связано что-то с судьбою,
наполовину и с детством.
Мы остаёмся собою
с боем – нашим наследством.

* * *

Какой-нибудь гипсовый Ленин
в какой-нибудь левой стране,
практически миф поколений
о самой полезной войне,
стоит в одиночестве в парке,
на площади или в кино.
Вращают бесстрастные Парки
небесное веретено.

Уложена плёнка в коробку,
уже перерезана нить.
Серебряной краской головку
никто не придёт обновить.
Утрачены части фигуры,
три буквы покрыли всего.
Далёкое небо с натуры,
и больше над ним никого.

Какой-нибудь гипсовый Ленин,
довольный собою вполне,
подлечит больные колени
по сходной к моменту цене,
поправит отбитую руку,
откроет мечтательный рот
и двинет активно в науку,
а может быть, сразу в народ.

* * *

Отставками далёких перемен
гуляют пересуды, свежий ветер
подробности приносит, без антенн
распространяясь обо всём на свете.

Придумаю себе другую жизнь,
удачную и нужную народу,
знакомых многочисленных, теплень,
различную счастливую погоду,

работу постоянную, притом
любимую, и деньги за работу,
какой-нибудь у речки-моря дом,
рыбалку, путешествия, охоту.

Чтобы подкатывали ночь и тишина,
от края заполняя и до края,
чтобы закончилась далёкая война,
не начиналась никогда другая.

* * *

скребу щетину через день
скребу щетину через два
а в голове кому не лень
не понимает голова
ни про щетину ничего
ни про создателя вполне
и эта про и кто кого
и кто-то ходит по луне
по тёмной стороне луны
и приземляется на ней
не видно сцену со спины
и там стоянка кораблей
летательных из разных мест
пока неведомых для нас
и лукас ни при чём балбес
и мы не отключаем газ
навязчивый императив
доносит невзначай эфир
и в голове твой лейтмотив
старо как мир старо как мир

* * *

*...как будто на свете одни
сторожа и собаки.*

О. Мандельштам

собаки встречаются каждый день,
и дождь нипочём, как всегда,
дорогу везде переходят, везде,
не важно – суббота, среда

такая собачья нормальная жизнь –
не в клетке и не на цепи,
вокруг новостройки всё выше, прикинь,
и с удочками рыбаки

контрасты, как будто на свете одни
они, рыбаки и собаки
бродячие, – мы, остальные, в тени,
за кадром, но строят, собаки

возможно, мы родичи, может быть, все
мы люди, а может быть, мы,
мы будем когда-нибудь жить на звезде,
созвездие – гончие псы

язык у нас общий возникнет, и всё-
всё будет понятно в словах,
и может быть, даже что-то ещё
и в будках, и в новых домах

* * *

*как много замечательных вещей на земле
как много удивительного народу*

Д. А. Пригов

темно, это значит, они не придут,
ей-богу, не знаю, что мне суждено

глушить в одиночку, что, пиво, вино...
ещё не придумал, а выпивка тут

смотри не смотри напряжённо в окно,
кино не покажут, какое кино

и телек, собака, не пашет совсем,
на тумбочке телек, словно слепой

нет, лучше на тумбочке, будто немой,
не мой телевизор, чужой, между стен

ну, врежешь, по-прежнему море проблем...
я врезал, а дальше-то что, боже мой,

явление, страсти-мордасти

* * *

неву оставляет лёд,
никто меня больше не ждёт,
и я никого не жду
в наступившем году

прячу в карманах руки
от холода, от подруги

снег заметает апрель,
ступеньки к воде у причала,
слегка скрипит карусель
сомнений, сначала, сначала

вдали исаакий, надежды,
бас колокольный, где ж ты

заканчивает перспективу
пасха и воскресение,
медленное течение
льдины уносит к заливу

спас, богоматерь, сияние
у входа в небесное здание

* * *

прикидываю, что на сдачу
от жизни остаётся мне,
балтийский воздух под раздачу
и тройка балтика в уме

отчётливее год от года
безостановочный процесс,
и до ближайшего прихода
на постеля, как до небес

я затерялся между строчек,
в душе на невском благодать,
и до небес на повороте
рукой подать

* * *

мой одноразовый мир,
запах домов, квартир,
пряный и первостепенный,
душ ежедневный, сортир,
чаще чем ежедневный,
пленный я или не пленный

закупаю продукты,
крупы, овощи, фрукты,
масло, батоны, кефир,
на горизонте сортир

потребительская корзина
на стеллажах магазина,
мимо шагаю, мимо,
мысли черны, как сажа,
двигают в сторону пляжа
солнечного, с открытки,
газированные напитки
лёгкие, охлаждённые,
барышни пережжённые,
прочие вещи в избытке,
волны слегка солёные
ласкают тела обнажённые,
скрипки в воздухе, скрипки

скину тряпки до нитки,
устроюсь лёжа у моря,
песком и пеной прибоя
побуду ещё немного
на ладошке у бога

* * *

и слева незнакомый берег
и справа кажется не дом
как будто между двух америк
одноимённым кораблём
иду к себе и слева эти
и справа те я не пойму
где кульминация в сюжете
навстречу танкер почему

В Крыму

* * *

Январь в Крыму...
И. Бродский

Патруль на пляже, рядом порт, маяк, причал.
С утра татары не в себе, – сказал он просто, –
я Михаил, – мы помолчали, – всех начал
не отыскать среди причин, а полуостров
теперь ничей. И он пошёл. В руке труба,
сандали вязнут, кашпошон скрывает пряди
густых волос, не понимаю нифига,
он заиграл, шагая вдаль по водной глади.

Ну, вот я в Ялте, чтоб прочесть «Январь в Крыму»,
чтобы увидеть, как живёт як может ханство,
и сам Герасимом последним из «Му-Му»
и эмигрантом из России, где пространство
не знает меры, забредая тут и там,
куда Макар телят водил, – такая должность,
я путешествую, а мир трещит по швам
и повышает каждый день боеспособность.

Вернёмся к утреннему берегу. Вода
усталых путников зовёт зимой и летом.
Заходят в гавань утомлённые суда,
слегка покачивая мачтами при этом.
Приезжих мало, не сезон. Сменив маршрут,
по пляжу призраки слоняются в тумане,
едва обмениваясь репликами, ждут
погоды, солнца, настроения, свиданий,

но под ногами тает мокрый тёмный снег,
и в полдень выглядеть прилично невозможно,
не выпив пива. Открываю дверь в буфет,
куда ты ломишься один, куда, но поздно

пугаться голоса, расстёгнуто пальто
привычным жестом завсегда, для понта.
На побережье так прекрасно, что никто
не замечает среди дня волнений Понта,

слезами полного, печалью о судьбе,
постигшей в прошлом непокорные народы.
Ушёл по морю Михаил, смотри себе,
как набегают на песок, вскипая, воды.
И мне куда-то вслед за ним, и теплоход
как чудо выглядит, билет, монетку в море.
Стемнело, двинулись огни, уходит порт.
Перекантуюсь как-нибудь, Одесса вскоре.

Что-то нежное

1

шепчет что-то нежное прибой,
перебирает камушки, ракушки, дарит фотки,
лаской увлекает за собой,
все индифферентные красотки
в фокусе, и ни одной подлодки,
наслаждайся, милый, синевой,
глубиной манящей перспективы,
где они – приливы и отливы,
где компот холодный с алычой

что случилось, – ничего, привычка,
догорает лето, будто спичка,
оставляя пепел золотой

2

и дом на берегу, и горы лука –
всё сохраняет память ноутбука,
на ухо шепчет что-то нежное прибой
из глубины компьютерного диска,

как будто жизнь – слова и переписка,
во власти вирусов, короткою строкой
то тянется, то, кажется, прервётся,
то именем знакомым отзовётся

чего тебе хотелось бы, признайся,
не покидай меня, не отключайся

спланируем возможную поездку
послушать море в сентябре, мечты моллюска,

давай отправим богу эсэмэску,
чтобы свершилось
жду ответ
перезагрузка

3

привидится всего на пять минут
и крым оранжевый под солнцем, и маршрут
знакомый, летнюю транслируют погоду
и прогревают радужную воду,
толпа приезжих женщин и мужчин
и скатерть моря в пелене морщин,
чуть слышно плещется причудливая речь,
чтоб на плаву кораблик мира уберечь,
а мне на дно в какую-нибудь норку,
приоткрывать, когда стемнеет, створку

Останемся

1

останемся под солнцем на припёке,
в череде постояльцев, среди загорающей плоти,
на горячих камнях, на чужих простынях,
на открытках на обороте,
в примечаниях, в сносах, петитом,
за столиками с аппетитом
по возвращении с пляжа,
скалами, частью пейзажа

фиолетовый сумрак ночи,
прогулки по берегу, впрочем,
по лунной дорожке,
по морю немножко,
по жизни ещё немножко

2

тянет окунуться в эту воду,
посидеть в кафе, пройти пешком,
множество приезжего народу,
в некоторых случаях битком

впережку чайки и поэты
о своём и вечном гомонят,
если счастьем не было всё это,
не было и счастья у меня

поднимусь по склону карадага
к небу, недоступному на вид,
я останусь где-то здесь, декада,
как стихотворенье, пролетит

В Крыму

1

узкая лента шоссе устремляется к морю,
вверх поднимается в горы, срывается вниз
к лету и южному берегу, к солнцу, не скрою,
к домикам в зелени в секторе частном, очнись,
 плен голубой перспективы, покой безмятежный,
 скалы и море в обнимку и воздух морской,
 всё, что осталось, – к воде подойти без одежды,
 русскоязычный пришелец и берег чужой

2

вдоль побережья туристы и прочие
передвигаются, как муравьи, –
безостановочно, всё, многоточие,
прибыли к месту... ну и,
добрые люди, скрываю волнение,
выпали сумки из рук,
море за окнами как откровение,
синее море и юг

3

поселок алупка, передо мной
рай по сходной цене,
волны бормочут наперебой
что-то о глубине,
горы молчат о начале времён,
о том, как мучителен зной,
ветер нашёптывает о своём,
о зимней тоске затяжной

4

на пляж, как на работу,
к восьми или к семи,
в шлёпках на босу ногу,
в купальниках, плавках, с детьми,
медленно и спокойно,
надоело спешить,
на берегу привольно,
и снова хочется жить

не сгореть бы на солнце,
в десять раскроем зонт
мы, а соседу эстонцу
в тени загорать не резон,
он почернел, как будто
местный мачо, плейбой,
стоя торчит всё утро,
любуется сам собой

я окунулся, поплавал,
солёной воды глотнул,
поправил на выходе плавки,
сползают с меня, караул,
на своё полотенце –
рабочее место – прилёг,
и полетело сердце
за горизонт... улёт

5

дальние страны, не спору,
за горизонтом, взгляни,
небо спускается к морю
и растворяется, дни,
может быть, месяцы, годы
так бы смотрел и смотрел,
медленные теплоходы,
ультрамарин и мел

6

немного душно с непривычки,
и выключают воду днём
для экономии, таблички
на украинском, что почём,
необъяснимые манеры
и силуэты разной веры

7

от бухты херсонеса до боспора киммерийского
воздействие прогресса очевидно для российского
туриста, посещающего крым,
военный гарнизон необходим,
от перекопа с севера маршрут на севастополь,
степные перегоны, эшелоны, мелитополь
проехали, мелькают семафоры,
татарско-украинские просторы

8

радары пограничные безмолвно
ощупывают в море корабли,
тяжёлый сухогруз утюжит волны
в туманной дымке вечера, вдали
ещё один, а в парке все красоты –
вечерний променад и моцион,
цикады, караоке, тир, винтовки,
мишени уползают за кордон

9

захожу во дворец воронцова,
вход со двора на экскурсию,
экскурсовод образцово
по датам несётся, и в турцию
по прямой дотянешься взглядом...
сад перед южным фасадом –

райский кусочек парка,
темнеет восточная арка,
львы на дворцовой лестнице
прошлое стерегут,
по ступенькам, немного меняясь в лице,
годы бегут, бегут...

10

эол из алулки уходит на ялту,
я – пассажир на борту,
в колхиду бы мне, с друзьями на яхту,
да выбрал дорогу не ту,
куда я, на встречу с какими богами,
матрос у трапа вздохнул,
снимок на память, под парусами
яхта в море, акул
не наблюдаю, акул

11

ползу по ступенькам, то вверх, то вниз,
горная местность, дыши, альпинист,
передвигаясь по склонам
отпуска, лета, сезона,
воздух пропитан кедрами,
йодом, солями, щедрыми
солнечными лучами,
и цикады трещат ночами

12

ночная жизнь на побережье
сверкает сотнями огней
и манит музыкой, и между
кафешками в глазах темней,
и между завтра и сегодня
в долинах страсти города,

и обещает рай господний
путеводитель в никуда

13

рядом со мной подруга
навеселе чуть-чуть,
горячие руки юга
ей не дают уснуть,
я для себя и для светлы –
как кисель по ночам,
её волнуют атлеты
и охлаждённый чай

14

шторм разыгрался, шторм,
разнообразии форм,
звуков, бурлящей пены,
если сойти с авансцены –
ещё наглядней картина,
в плавках песок и тина
после встречи с волнами,
набегает цунами

местные объяснили,
четыре балла – не шторм,
говорят, объявили,
мы узнали потом,
утонуло пять человек,
пустота у меня в голове

15

мидии, рапаны, кальмары, креветка –
солёная, крупная, свежая!
хочу рапаны и мидии я,
креветки – одна чешуя

может быть, рыбку, детка,
кажется, крабы несут,
мидии нас не спасут,
где-то была конфетка,
хочешь конфетку, детка,
возьми бутерброд, колбасу

летом на пляже томление,
лежбище, стадо тюленьё,
не протолкнуться на пляже,
об этом любой расскажет

16

шестнадцатый день в крыму,
завтра едем домой,
остаться бы здесь по всему
ещё на денёк, на другой,
с пляжа за нами следом
отправляется вскоре
к себе куда-то за море
лето, любимое лето

17

маяк на мысе ай-тодор,
не забывай меня,
бормочущего всякий вздор,
хранителя огня,
и никого, как будто, нет,
и мир как заводной,
и будто море, будто свет
спасенья предо мной

Притяжение ДА

* * *

туфли, шлёпки, сапожки,
новенькие, разношенные,
модные вещи, серёжки,
фигурки хорошенькие

по любви, по согласию,
бывает, по случаю,
к бабушке разногласия,
туда же экскурсию

планы и планы, движение
броуновское, привычное,
в обществе напряжение,
в теле изнеможение,
сокровенное, личное,

вечное разрастается,
напряжение в теле,
раздеваемся, одеваемся,
труженики при деле

И ещё...

1

жилище мебель книги посуда
одежда еда потолок плафоны
электричество техника жизнь иконы...

2

ты стоишь совершенно голая
перед зеркалом передо мною
это я тебя попросил...

3

лифчик на сушилке
на гладилке халат полотенце утюг
поедем на юг...

4

на подоконнике в горшочке драцена
ты никогда не поливаешь цветы
недавно засох один...

5

предметы перемещаются
найди мою белую кофточку
приоткрываю форточку...

6

инсталляции телетрансляции
где моя пенка слышится
музыка речь не пишется...

7

ты у зеркала каждый день
подкрашиваешься минут сорок
расцветает сирень...

8

фен гудит под расчёску
формируешь причёску
это ещё минут сорок...

9

на тебе каждый день бигуди
и ночь ещё впереди...

10

ты работаешь и работаешь
утомляешься плохо ешь...

11

возвращаешься поздно вечером
чай холодный покушать нечего...

12

ругань с порога претензии
бешенство раздражение
лишние телодвижения...

13

наблюдаю истерику
что-то тянет в америку...

14

деньги разборки деньги
рвутся на раз колготки
лето пора без колготок...

15

ты зашила трусы и побрилась
куда же ты наострилась
милая...

16

я спросил
ты куда-то уходишь
ты смеёшься в ответ и уходишь...

17

тени баночки с кремом тушь
пенка лак духи бижутерия
на полках на полу на столе...

18

постирать приготовить пищу
убраться помыть посуду
осень подобна чуду...

19

работа новости вечер
ночь и ночная мистерия
бижутерия...

20

свет погаси
мне на работу
в воскресенье в субботу...

21

я целую твою грудь
ты стараешься заснуть
спокойной ночи...

22

выключи свет
я хочу спать
мне надо читать...

23

опять у тебя истерика
россия или америка...

24

утренний сон
горячего шоколада чашка
к твоему пробуждению...

25

я держу тебя за грудь
хочется чегонибудь
ещё...

26

в тебе энергии
на пятерых
а я затих...

27

собираемся на работу
радио про погоду...

28

у тебя на колготках дырки
ежедневно рвутся колготки
зимой надеваешь под брюки...

29

давай куда-нибудь сходим
всё время дома сидим
вечер необходим...

30

в доме хвоя
новый запах
суета...

31

день сменяется ночью
год сменяется годом
на окошке драцена...

* * *

мы пойдём ходить на йогу и на шейпинг заодно,
мы узнаем понемногу наслаждение внутри,
оттого что наши чувства обнажились в голове,
мы потянемся навстречу, мы останемся вдвоём

производственные планы и финансовый отчёт
завершаем на работе каждый месяц, каждый день,
замечательные люди мы становимся тогда,
и кино и каждый вечер телевиденье для нас

в эту самую минуту в незнакомой стороне
начинаются работы ежедневные людей,
новый день, сверкает солнце, дождик или снегопад
или полночь наступила в представлении моём

задевает за живое, когда кто-то вдалеке
получает много денег и проценты без труда
и живёт себе навстречу на пригорке, на лугу,
в лимузинах, самолётах, с нашим бытом незнаком

в это время пролетает над равниной самолёт,
над горами пролетает и над синею водой,
мы стараемся не думать про плохое в небесах,
применительно для жизни планы, цифры, чертежи

мы пойдём ходить на йогу и на шейпинг заодно,
мы увидим понемногу незабудки и цветы,
замечательно как будто жить, букеты собирать
и сушить, сушить надолго для печальной красоты

* * *

у меня с тобой сегодня не совпали фазы,
ты работаешь на кухне, я готовлю фразы

за идиллию земную некому ответить,
лишь бы счастливы вплотную были все и дети

* * *

ты меня не хочу, я балласт,
опрометчивый водолаз,
я тебя за собой на дно
волоку,
и теперь одно
либо вместе нам погружаться,
либо тебе сражаться
и всплывать куда-то одной,
что ты и делаешь, кстати,
прогоняешь меня с кровати,
скоро мягкое, тёмное дно,
а вот и оно

и куда теперь, я по дну
пробираюсь и не тону,
жанр – немое кино,
рыбы, подлодки – видеоролик,
мне хорошо

потребление пищи к нулю,
жидкости – максимально,
пропорционально рублю,
просто и оптимально,
масса свободного времени,
зимую в тёплом течении
или по миру за новой кормой,
когда захочу, – домой,
стихают моторы, шумы винтов
и никаких ментов,
определённо пока,
и тоска вечерами, тоска,
поднимаю со дна перископ,
в курсе событий чтоб,

эхолот голосов загружен,
к истокам и внутрь и наружу
мысленно, электрическим током,
молекулярным потоком
через жидкости распространяюсь,
вспыхиваю, воспаляюсь

беспокоит меня одно
в настоящем кино
придётся метать икру,
привыкну или умру

* * *

ныряю в одинокую постель,
бесполою, под шорохи и скрипы
оконных рам, дверных петель,
пружинного матраса и кровати
из дерева, хорошая кровать,
приятно на такой заночевать

предпочитаю лёгкому капрону
строительство надёжных отношений,
устойчивый интим по телефону,
переговоров, снов, телодвижений
итог желаемый, пожалуй, с детства,
платёжные накопленные средства
в обменнике придётся разменять,
опять

* * *

надо стирать одежду
без остановок между
прочих предметов срочных,
денежных, сверхурочных,
собственных предприятий
и бытовых занятий

снова стирать одежду,
реже, чем надо между,
графики нарушая,
лозунги провозглашая, –
чистое завоняло,
как это всё достало

надо стирать одежду,
чтобы иметь надежду
или иметь светлану,
машу, дашу, татьяну,
всяческую машину,
не разгибая спину,

чтобы она стирала,
стряпала, прибирала,
ездила чтобы шибко,
шины шуршат, прибытка,
техники мало, много
радости у порога

* * *

быт настигает внезапно,
неразрешимый вопрос,
и вот начинается завтра
под звуки моторов и поз
в кровати в момент пробужденья
я сам себе весь не родня,
встречное определенье –
наполовину меня

трамваи идут на работу,
в метро проникает народ,
общие песни и танцы
страна подпевая поёт,
пока нагревается чайник,
радио и телефон,
передвигается частник,
в себя самого погружён

реки, моря теплоходы
носят на теле своём,
годы, счастливые годы
пересчитаю потом,
в космосе нет притяженья,
здесь притяжение да,
встречное определенье –
космос – наша среда,

трудно работать, и кушать,
и совершенствовать быт,
радио лучше не слушать,
кто там чего говорит,
лучше ходить на концерты
и по дороге в музей,
лучше зарплаты – конверты
с нею, впоследствии с ней

* * *

что за жизнь маргинальная,
личная, коммунальная,
амплитуда астральная,
космос для космонавтов,
шаттлы для астронавтов,
наследственные интересы,
в небо и дальше прогрессы

в коридорах ахи да охи,
переходный возраст эпохи,
галстуки и рубахи,
особенно запахи,
особенно прикосновения,
внезапные откровения

станиславского типа система,
флаги, эмблема,
портьеры и яма,
всякого хлама,
сцена для супермена,
для супервумен сцена,
кресла, в них посетители,
зрители,
аплодисменты в зале
в финале

чего же хочется мне,
может быть, жизнь на луне,
может быть, жизнь вторая,
там, где не умирают

* * *

иду, а доллар падает,
загробная жизнь не радуется,
в переходе играют,
радует настоящая,
мимо меня скользящая
с краю

евро стоит уверенно,
ничего ещё не потеряно,
в голове повторяю –
лето, кабриолеты,
девушки без ничего,
сколько всего

* * *

фигура высокой моды,
лицо недоступной свободы
во всех проявлениях сразу
складках, формах, движениях,
еле заметных глазу
волнениях

запредельные какие-то страны,
как будто одни павианы
и попугаи вокруг
прекрасных и редких животных
всеобщий восторг, идут
манекены ко мне, и воздух
густой, безумный, пьянящий,
придуманный, ненастоящий,
и волнующий, и манящий
на отдых,
в леса амазонки с вокзала,
в саванну, тропики, джунгли
из банкетного зала,
в отеле пять звёзд желательно,
на выходе обязательно
улыбки, телеэфир,
под ногами весь мир

тщательно уложенные стилистом
перья, колечки, сюжеты,
скользящие силуэты
для мечтающих заплатить,
искусство умеет жить
в достатке, заметном глазу,
во всех проявлениях сразу

* * *

нет взаимопонимания с окружающей обстановкой,
потчевать себя бананами и морковкой
затруднительно, сидя на месте,
в разладе с новой песней

раздаются потоки журчания
в животе, чайнике, туалете,
предмет моего обожания
за макияжем заметит
и обязательно скажет
– всё надоело...
не в этом дело, думаю я,
это семья

Монолог

как ты мне отвечаешь
какой ты интеллигент
разве академик лихачёв так отвечает
строишь из себя интеллигента
тебе до бродского никогда не дорасти
мальчик из еврейской семьи
освоил язык и думал на нём
ты грубый и цели не видишь
и вырос у казахов
они хотя бы уважают старших
ты никого не уважаешь
виталик видит цель из башкирии
хочет петь и остаться в москве
а ты
какой поэт
не хочу об этом ничего слышать
саша берёт с тебя пример
рисует на компьютере и не думает
грубит и уходит
а ты пишешь свои буквы
где твоя цель
сначала заработай потом пиши
дима никогда не перечит лене
и ребёнок берёт с него пример
он умный мальчик
а ты даже печатать не научился
печатаешь одним пальцем как дятел

* * *

если будете на место не класть
выброшу совсем
у меня такая личная страсть
перенапряжение схем

где листочек с моими словами
я не могу сказать иногда
потому что слова потерялись
где слова мои слова навсегда

* * *

поэту деньги не нужны,
и документы тоже,
поэт заметен для страны,
когда с разбитой рожей

не курит, ничего не пьёт,
не ест обычной пищи,
белья не носит, идиот,
бесстыжие глазищи

сидит на дереве один,
не человек, не гражданин,
читает, между прочим,
и голову морочит

* * *

советской армии ура
и мне пора
присяга сутки до утра
на портупее кобура
под мышкой держит пистолет
служебный пистолет
я на работе на посту
на фоне здания в быту
и даже если ты сосед
я твой сосед
должно быть что-то навсегда
под небом жизни провода
чтобы текла и никогда
не замирала
опасность всюду самолёт
кирпич летящий промелькнёт
водитель за рулем заснёт
не повезёт
на рынках сбыта бой кипит
глобальный кризис не стоит
природа что-то барахлит
забарахлила
затопит иногда встряхнёт
как будто виноват народ
учёные дают прогноз
когда мороз
я на посту в душе стоит
на всякий случай внешний вид
культуру продолжать беречь
словами речь

* * *

я и слова всю ночь,
употребляю хронически,
и очень радо помочь
радио периодически

с нами горячие клавиши,
кожаные бумажники,
вижу, вздохнули товарищи,
литературы сподвижники

личная жизнь исключительно
некстати сама собой,
товарищи утвердительно
мудро кивают башкой

душа моя астрология
в космосе тысячи лет
и потом заселяется
в новое тело-скелет

снова я с вами, роботы,
на работу, домой,
и спасибо, что пользуюсь,
как живой, как живой

* * *

напился пьяный, подрался на улице ни за что,
никто меня не боялся, разбили сильно лицо

какие прекрасные люди встречаются тут и там,
сам я лежачий памятник разнообразным делам

три недели, возможно, месяц ещё в башке
будет гудеть тревожно колокол о корешке

бывает, боксёры гуляют по городу для души,
бывает, им попадают под руку алкаши

шествуют каратисты, восточный и русский дух
познавшие культуристы, выбирайте из двух

надо же, возникает милицейский наряд,
медленно проезжает, каждой фигуре рад

каждому дереву в чаще, облаку в небесах,
моей поэтической жизни на ваших глазах

* * *

из банки пиво на улице,
небритый, в старой одежде...
этот прохожий – я
чего мне надо от жизни
– кажется, ничего...
слышу, терпит его семья, –
две тётки шагают вразвалку,
думаю – про меня,
или не про меня –
терпит его семья

* * *

*У зеркала себя не узнавать.
С. Гандлевский*

Смотрю на себя, ужасаюсь,
ну что там за рожа маячит.
Я трезвый, а рожа косая,
прикидывай, что это значит.

Отхожие опусы, книжки,
как баки для мусора слов.
Опухли, похоже, мениски,
смещение трёх позвонков

фиксируем, глядя на спину
и в целом сутулый скелет.
Такую плохую скотину
кормить утомительно. Лет

уже набежало, а толку
в работе хотя бы на треть.
Хоть челюсть, хоть зубы на полку –
ужастик, не будем смотреть.

Обширная лысина, шрамы,
кривой, переломанный нос,
морщины – портрет обезьяны.
Висит без ответа вопрос:

куда с таким рылом в калашный –
раскрученных авторов ряд?
Стиль пошлый, язык бесшабашный,
умойся, тебе говорят.

Умылся, побрился – огурчик,
заточка лоснится, как плов.
Ну, где твои книжки трескучих,
сохатых, пархатых стихов?

Разводишь ненужные вопли,
тревожишь серьёзных людей,
бери эти слёзы и сопли,
неси на помойку, за дверь.

Да делай, что хочешь, ты вникни,
вон, с вышки ныряет народ
для тонуса, или привыкни
сажать и полоть огород.

Скачал информацию, сыщик?
Стекло в темноте, ни души.
Закатывай чаще губищи
и носом попроще дыши.

Пока, ухожу, всем спасибо,
я вспомнил, не выключил свет
на кухне и жарится рыба
в духовке, а повара нет.

* * *

можешь назад можешь вперёд
музыку вслух разговаривать
читать остальное не в счёт

вокруг меня разные люди
разнообразные люди
наперечёт

пребываю в общем числе
навеселе редко
далека от меня соседка
далека и река ока

в полушарии где зима
где в другом полушарии лето
я хотел бы иметь билеты
лето запахи шашлыка

босиком по зелёной траве
жёлтому по песку
коньяка глоток коньяку

я хотел бы наверняка
как у всех иногда с потолка
непрерывно обратно ока

не всегда получается часто
очень часто не получается

например не всегда и надо
когда не хочется много
хочется очень много
всего

получается надо

* * *

Откройте дверь, славянофилы,
влекут загадочные дали,
порфиросный блеск и силы,
разнообразные детали,

преуспевающие люди,
девицы юные на взлёте,
и залпы тысячи орудий,
и должностные лица плоти,

общение, существованье,
и чайки на четыре ветра
над обмелевшим мирозданьем
молочных рек без амперметра

и гидростанций, невозможно
без них прожить. Проходят к морю
суда по рекам осторожно,
поскольку мели. Чем же горю

поможешь? Даль, морские мили,
все моряки и все матросы
сидят и курят папиросы,
скажите, чтобы не курили

или курили в коридоре,
где запретят куренье вскоре,
чтобы не пахло дымом море
и не воняло на просторе

тем, кто не курит. Йод вдыхая,
две буквы «м» употребляя
подряд, подряд люблю все буквы,
как бы резвяся и играя.

Пустите, западники, в сени,
на сердце муторно и пусто.
Неслышно набегают пени,
как волны по морю, и чувства

возвышенные вызывают,
когда подходят к изголовью
с тяжёлым грохотом, мечтаю,
и счётчик тикает с любовью.

Диором тянет по арене,
фон – лагерфельды-валентино,
фельдъегеря на сцене, гене-
алогия, брат, Буратино.

Я буду многим неудобен,
как будто камешек в ботинке,
для пользы дела непригоден,
предполагаю, по старинке,

меня и вытряхнуть нетрудно,
и сохранить на память просто,
держу в сознании подспудно,
в уме определённо-остро.

* * *

приходят следующие люди,
чтобы остаться на века,
на книжных полках замирают
практически до потолка

потоку мыслей постепенных
предел не виден сам собой,
шипучих, магистральных, пенных,
наперебой, наперебой

энергия уносит дальше,
на побережья разных стран,
фанфары избегают фальши,
под барабан, под барабан

как олимпийцы на арене
или партийный аппарат,
шеренгами, рядами слово,
и продолжается парад

Содержание

ИЗ ТОЧКИ А

«необъяснимый авиатор...»	6
«хорошо, если в модных журналах...»	7
«мы умрём, и собаки наши умрут...»	9
«меня занимает ницца...»	10
Тусовка	11
«в метро не читают граждане...»	12
«подземный ход через дорогу – вот устройство...»	13
«Не такая уж новость – в июле жара, бесполезно...»	14
«Питер и девушка Лена...»	16
«сначала ты молодой...»	17
«они все вместе небожители...»	18
«пока чего-нибудь выберешь...»	19
«всё загадили, всё...»	20
Где-то, когда-то	21
«я родился и вырос в этой стране...»	23
«безногий солдат на невском...»	24
«Часы с музыкальным боем...»	25
«Какой-нибудь гипсовый Ленин...»	26
«Отставками далеких перемен...»	27
«скребу щетину через день...»	28
«собаки встречаются каждый день...»	29
«темно, это значит, они не придут...»	30
«неву оставляет лёд...»	31
«прикидываю, что на сдачу...»	32
«мой одноразовый мир...»	33
«и слева незнакомый берег...»	34

В КРЫМУ

«Патруль на пляже, рядом порт, маяк, причал...»	36
Что-то нежное	38
Останемся	40
В Крыму	41

ПРИТЯЖЕНИЕ ДА

«туфли, шлёпки, сапожки...»	48
И ещё...	49
«мы пойдём ходить на йогу и на шейпинг заодно...»	54
«у меня с тобой сегодня не совпали фазы...»	55
«ты меня не хочу, я балласт...»	56
«ныряю в одинокую постель...»	58
«надо стирать одежду...»	59
«быт настигает внезапно...»	60
«что за жизнь маргинальная...»	61
«иду, а доллар падает...»	62
«фигура высокой моды...»	63
«нет взаимопонимания с окружающей обстановкой...»	64
Монолог	65
«если будете на место не класть...»	66
«поэту деньги не нужны...»	67
«советской армии ура...»	68
«я и слова всю ночь...»	69
«напился пьяный, подрался на улице ни за что...»	70
«из банки пиво на улице...»	71
«Смотрю на себя, ужасаюсь...»	72
«можешь назад можешь вперёд...»	73
«Откройте дверь, славянофилы...»	75
«приходят следующие люди...»	77

В издательстве «Воймега» вышли следующие книги:

серия «приближение»:

Всеволод Константинов «Седьмой путь»

Ольга Нечаева «Птичье молоко»

Алексей Тиматков «Воздушный шар»

Андрей Чемоданов «Совсем как человек»

Александр Сорока «Тутырь»

Валерий Халяпин «Три-вы-я»

Александр Максимов «Новый год-II»

Александр Переверзин «Документальное кино»

Михаил Свищёв «Последний экземпляр»

Мария Тиматкова «Настоящее имя»

Светлана Бунина «Удел цветка»

Ната Сучкова «Лирический герой»

Денис Новиков «Виза»

Ирина Ермакова «Улей»

Ян Шенкман «Скоро придёт конец птице, оглохшей от собственного пения»

Григорий Кружков «Новые стихи»

Александр Тимофеевский «Размышления на берегу моря»

Андрей Василевский «Всё равно»

Игорь Меламед «Воздаяние»

Инга Кузнецова «Внутреннее зрение»

Книги можно приобрести в магазинах:

Книжная лавка Литинститута, Тверской б-р, д. 25

«Фаланстер», М. Гнездниковский пер., д. 12/27

редактор:

А. Переверзин

дизайн серии и макет:

С. Труханов

издательство «Воймега»

e-mail: voymega@yandex.ru

alkonost@yandex.ru

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60x90 1/16

Тираж 500 экз.

Дмитрий Зиновьев родился в 1960 году в Чимкенте (Казахстан). Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Оренбургское музыкальное училище, дирижёрско-хоровое отделение. Работал руководителем детского хора, сейчас занимается компьютерным дизайном. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Арион» и других. Живёт в Санкт-Петербурге. «Снимок на память» – первая книга автора.